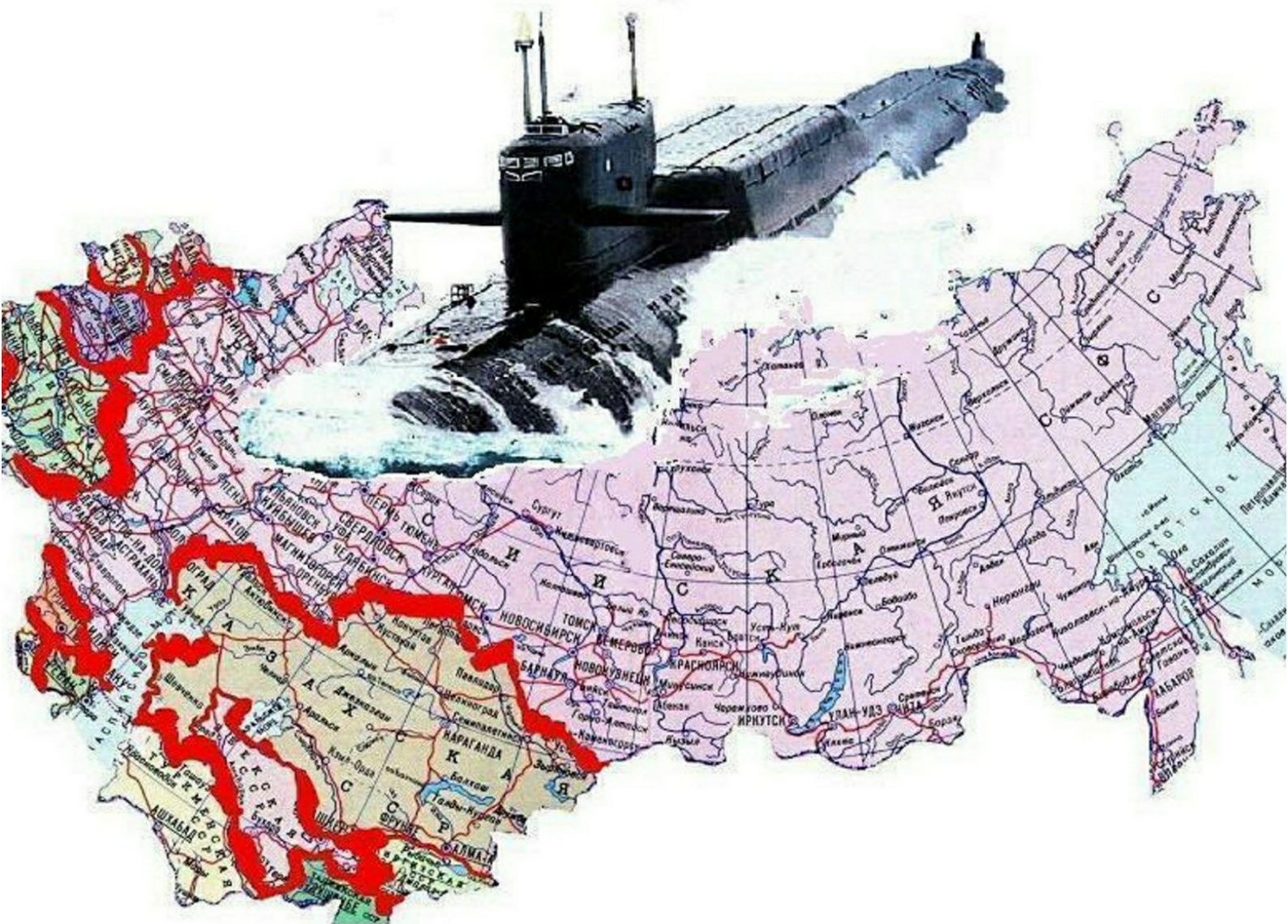

Козинский А.В.

КРИТИЧЕСКАЯ МАССА ЯДЕРНОГО РАСПАДА

Книга третья

18+

Анатолий Козинский

**Критическая масса ядерного
распада. Книга третья. Командир
подводного атомного ракетносца**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Козинский А. В.

Критическая масса ядерного распада. Книга третья. Командир подводного атомного ракетносца / А. В. Козинский — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Книга основана на реальных событиях, в которых принимал участие автор. Это — не мемуары и не автобиография. Повесть является художественным вымыслом. В ней рассказывается о судьбе моряка-подводника и всерьёз, и с солёным морским юмором. И очень точно описано, как это было в жизни многих морских офицеров, и какова она, служба подводника.

Содержание

Книга 3.	5
Глава 1.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

*Посвящается памяти о погибших и живым морякам-подводникам
А.В.Козинский (2011 г.)*

Книга 3. КОМАНДИР ПОДВОДНОГО АТОМНОГО РАКЕТОНОСЦА

*Плавая под водой над бездной океана,
отгороженный тонкой скорлупой прочного корпуса
подводной лодки от мгновенного воздействия
его огромного смертоносного давления,
подводник живёт и мыслит,
как и все люди обыденно соразмерно обстоятельствам,
своим жизненным интересам и потребностям.
Но когда экстремальная обстановка сжимается до предела,
так, что обратиться к богу уже нет времени,
то вся ответственность и надежда на победу и спасение
ложится на командира подводного корабля.
Кто же он, командир подводной лодки?*

Глава 1.

Командир и офицеры корабля. Учёба в учебном центре. Состав и сколачивание экипажа подводного ракетного крейсера.

Семья Липовецких в полном сборе – Антон, Светлана и Владимир, после многочисленных пересадок и мытарств переезда, прибыв на конечную остановку своего путешествия, сидели на трёх чемоданах со своими пожитками. Крутая спираль неумолимого времени, подхватив судьбу Антона, гнала, кружила и, играючи, перебрасывала его с корабля на корабль Северного флота, задерживая на одном месте и должности не более 1-2 лет.

Житейские передряги и беспросветность флотского бытия, благодаря взаимной любви в его семье, не смогли уничтожить у него природную тягу к миру прекрасного. Он не запил горькую, сумел сохранить веру, что завтрашний день состоится и будет лучше дня сегодняшнего. Суровый Север, совместно с холодными заполярными Арктическими морями, благоприятно относился к кораблям, на которых проходил службу Антон. Служба «не одарила» его существенными болячками, кости и другие органы не «трещали» от распадов радиоактивных изотопов – продуктов воздействия аварийной работы ядерных реакторов подводных лодок, на которых служил Липовецкий. Флотский консерватизм и наплевательское безразличие власть имущих бонз к отдельному человеку не вытравили из его характера черты человечности и сострадания к ближнему. Добросовестность исполнения обязанностей, согласно занимаемым должностям и приобретённый опыт службы на подводных атомоходах, в целом позволили назначить его командиром подводного атомного ракетного крейсера стратегического назначения проекта 667Б.

Маленький и чистенький железнодорожный вокзальчик в незаметном эстонском городке Палдиски, пропустив немногочисленных пассажиров, сошедших с прибывшей электрички, был безлюден. Вокруг стоял не очень высокий сосновый лес, еле дышащий свежий, с характерным запахом водорослей ветер, выдавал непосредственную близость моря.

– Никого! Тишина и выжидающее молчание.... Вдруг в этой тишине совершенно неожиданно отчётливо прозвучал уставший и какой-то опустошённый голос:

– Оpoz-дал....

На перроне, рядом с замершей электричкой, стоял молодой парень. Вяло, в отчаянии махнув рукой, он повторно обречённо произнёс:

– Оpozдал!..

В этом восклицании было столько невысказанной тоски, горя и безнадёжности, что, буквально наяву, воочию, ощущалась утрата чего-то безвозвратно уходящего, неизбежность ухода, которого предотвратить было уже невозможно.

Электричка, мигнув огнями, тихо двинулась в обратный путь. Тень молодого парня мелькнула в придорожных кустах сирени у шоссе, ведущего к центру городка, и так же загадочно пропала – испарилась! Только где-то далеко, еле слышно эхо повторило ещё раз:

– Оpozдал....

– Наваждение! – подумал Антон. – Пойду-ка я к людям. Жизнь продолжается! И уже, обращаясь к Светлане, громко произнёс:

– В который раз убеждаюсь, что в нашей флотской действительности забота об утопающих является обязанностью самих утопающих! Вы тут устраивайтесь на чемоданах поудобней, а я пойду спрашивать – искать, куда и на чём будем двигаться далее.

Шоссе вывело Антона в центр городка. Слева в просвете улицы, соперничая с прозрачной голубизной неба более густой и насыщённой бирюзой воды, раскинулось море. Справа прочно окопались, врытые в землю, готовые ко всем неожиданностям, массивные коричне-

вые стены строений комплекса учебного центра подводников. Строение по периметру представляло собой закрытый многоугольник с обширным двором и внутренними постройками. «Пентагон» – да и только! Так его в дальнейшем и назовут. Далее за городом тонкой иглой устремилась в небо изящная труба ядерного объекта – действующего блока главной типовой энергетической установки подводных крейсеров. Левее, у самой кромки побережья моря на возвышенности, вытянувшись во всю свою богатырскую высоту башни, указывая безопасный путь судам, бесслезно нес службу маяк. За пределами городка местность издревле проросла смешанным лесом – преимущественно лиственным с примесью изумруда сосны, ели и лиственницы. Лес прорезали стрелы железной дороги вместе с паутиной прямых шупалец осушительных каналов. Кое-где в глубине квадратов леса просматривались проплешины заброшенных, со временем одичавших и заросших лесной порослью, некогда отвоёванные у дикой природы территории, бывших хуторов и усадьб.

Шоссе, образовав перекрёсток с переулком, соединяющем «Пентагон» с морским причалом, плавно переходило в центральную улицу городка. На этой улице, собственно, в основном, и разместился весь город. Несколько магазинов, поблёскивая чистыми витринами, с выстроенными в них батареями бутылок превосходного эстонского пива, красочными упаковками с молочными продуктами, выложенными кольцами аппетитных колбас, горками прокопчённых рыб, убедительно завлекали покупателя зайти внутрь и сделать свой выбор. За ними, все, как на подбор, одинаковые, стояли немногочисленные пятиэтажки – офицерские общежития и жилые дома. Всем этим хозяйством командовал свой дядька Черномор – командир учебного центра экипажей атомных подводных лодок Военно-морского флота СССР.

– Ну, что ж, Антон... – начальник центра, замешкавшись, заглянул на лежащее перед ним на столе командировочное предписание. Найдя там прописанное отчество «Владимирович», повторил, – ну, что ж, Антон Владимирович, с прибытием вас в наши «Пенаты»! Будем учиться. Офицерский состав вашего экипажа уже скомплектован. Почти все офицеры прибыли в Палдиски. Далее обо всём подробно вас проинформируют и ознакомят мои заместители по учебной и строевой части. Устраивайтесь: автомашину, жильё – всё через зама по тылу. Завтра в 9.00. я представлю вас офицерскому составу экипажа и начальникам циклов центра.

– Загружайтесь! – выпрыгивая из «Рафика» – автомобиля, выделенного для переезда, бодро скомандовал Антон своему заждавшемуся семейству.

– Едем устраиваться с жильём. По добытым сведениям, качество комнаты в семейном офицерском общежитии весомо зависит от благосклонности коменданта, вернее, комендантши – властной женщины Клавдии Петровны, то ли Ивановны. Во всяком случае, коробка конфет вместе с направлением на жительство не помешает, – закончил он излагать ситуацию.

Отдельная комнатка, три койки, стол, три табуретки, шкаф, тумбочка для посуды – вот тот житейский набор минимума удобств, который государство без проволочек, в лице могущественной Петровны в готовом виде, ссудило Липовецкому. За всё это он расписался, в соответствующем журнале учёта имущества, и вместе со всей семьёй двинулся в поход по магазинам, с целью запастись продовольствием.

Неизбалованной разнообразием и ассортиментом продуктов в торговых военоторговых точках закрытых гарнизонов и баз Северного флота Светлане, изобилие и цивилизованность обслуживания местных магазинов показалась прямо-таки сказкой, да и только! Удивить простого советского человека изобилием житейских потребностей не сложно. И не удивительно, что нашего рядового покупателя, привыкшего к очередям и хамству, при проявлении приветливости человеческого отношения продавца, а главное неожиданность её проявления... «Контрадий» сражает наповал. Окончательной каплей, переполнившей ресурс сдерживаемых положительных эмоций, для жены Липовецкого, была готовность продавца отрубить любой кусок мяса по её выбору и желанию. Без лишних разговоров, по её желанию отрубалась мякоть, косточка, большой или малый кусок говядины, свинины, баранины...

– Да, Антоша, тут с голоду мы не умрём! – с удовлетворением констатировала Светлана, подавая мужу увесистую сумку с продуктами.

– Здравствуйте! – приветливо поздоровалась с ними миловидная женщина у подъезда общежития.

– Я – Галя, это мои дети: Вадик и Андрей.

Она указала на, играющих тут же, рослого мальчика немного моложе Владимира и маленького пичугу лет четырёх – мы Белорусовы. Мой муж Саша – Александр, – поправились она, – назначен вашим заместителем по политической части.

– Ну, коль нас вы уже опознали, то я с женой и сыном рад нашему знакомству, – сказал Антон и по очереди представил свою маленькую семью.

– Мы из Ленинграда приехали немного раньше, – продолжала Галина излагать сведения о себе. Саша со службы вот-вот должен подойти. Приглашаем вечером вас на чай. Мы разместились на втором этаже, комната №25, – закончила она и вопросительно посмотрела на Антона.

– Спасибо, зайдём непременно. Уж со своим заместителем, обладающим такой чудесной умной женой, знакомиться в первую очередь велит сам бог! – пообещал Антон.

Новая информация посыпалась на Липовецкого, как из рога изобилия. Знакомиться, изучать и знать, нужно было со многими и многое. Каждый офицер это личность сложная со своими запросами, возможностями, перспективами, отношением к службе, семье и жизни – именно жизни физической, ибо на подводной лодке они будут доверять её друг другу. Командир всё это должен изучить и знать лучше их самих, ибо он по долгу службы сознательно будет распоряжаться их судьбами, которые на корабле неразрывным узлом связываются с его жизнью. Симбиоз «железа» и людей – корабль, как и любой человек, рождается один раз. Завод-мать строит суда – «железо» и на этом его функции заканчиваются. Командир – отец готовит экипаж и в дальнейшем он, и только он, является главной фигурой, заботящейся в целом о корабле. Какой будет командир и тот первый, взошедший на борт судна после его постройки экипаж, так и поплывёт корабль по морям и океанам. Самая главная – основополагающая задача для Липовецкого состояла в том, что нужно было создать и вырастить экипаж, заложить добрые традиции с тем, чтобы, соединившись с «железом», стать ракетным крейсером – кораблём Военно-Морского флота своей Родины. Уже хорошо было то, что начинали они с чистого листа – с нуля.

Заместитель командира корабля по политической части для «железа» должность надуманная и лишняя. Ну, нет у корабля «политической части»! – Есть нос, корма, оружие, энергетическая установка и великое множество разнообразия другой техники. Есть люди, которые эту технику обслуживают. А вот политической части нет и не нужно. А раз такой части нет, то и конкретные обязанности у офицера, занимающего эту должность, отсутствуют. Эта должность нужна не кораблю, а правящему режиму в стране, который в практической деятельности настолько отошёл от идеала коммунистических идей, что перестал доверять людям готовым за них положить свои жизни. Нужно отдать должное, что умный, трудолюбивый, знающий службу офицер, хотя и стоящий во главе мифической, не существующей на корабле, политической части, всегда может стать хорошей помощью и поддержкой командиру во всех его начинаниях. Ленивый, мало знающий эту самую службу, замполит (а их большинство) – это балласт, который всегда присутствует при командире, но ни уму, ни сердцу, ни делу в целом пользы не приносит. Замполит гонористый и самовлюблённый, по сути, мало знающий – это горе для экипажа и его командира. Это не нужное пятое колесо в телеге, которое, оправдывая своё существование, «заложит» и «продаст» любого офицера, командира и экипаж в целом.

Командиру Липовецкому повезло: капитан 3 ранга Белорусов Н.А., видя мало перспектив продвижения по своей изначальной специальности, из механиков переучился на политработника. Тем не менее, он сохранил трезвые оценки событий, не растерял технические знания и трудоспособность. Короче: Антон во всём мог на него рассчитывать и положиться. Его жена

Галина – отзывчивая и добрая, но исключительно упрямая женщина стала хорошей подругой Светлане. Они были не только сослуживцами, но и стали, уважающими друг друга, семейными друзьями.

Офицеры, назначенные в состав экипажа новостроящегося подводного крейсера, налаженным конвейером стараниями флотских чиновников, без малейшего участия их командира, были выстроены по боевым частям и службам для взаимного представления и знакомства во дворе учебного центра. Экипаж номинально пока представлял собой перечень фамилий подводников с номерами приказов соответствующих чинов об их должностном назначении. На заглавном листе этого списка красовалась надпись: «Первый экипаж РПК СН «К-470» – первый и единственный, потому что второй так и не был сформирован.

– Всё бы ничего, если б чиновник, комплектующий экипаж, с ним бы и поплыл, – подумал Антон.

– А так это делать придётся мне. Хорошо если на чистых листах будущего времени с этими офицерами мы сумеем написать славную историю службы корабля только обильным потом ратного труда, а не кровью и своими жизнями.

Липовецкий вглядывался в лица офицеров – это был по всем канонам экипаж первый и он сам, впервые став командиром, для корабля будет первым. И как в первой любви многое зависело от него, чтобы эта любовь была взаимной. Лейтенанты – выпускники училищ, впервые назначенные командирами групп на строящийся корабль, смотрели на Антона с нескрываемым любопытством:

– Хорош он или плохой? – им ещё не было с кем его сравнивать.

Другое дело командиры боевых частей и начальники служб: все «капитан-лейтенанты»... нет – командир БЧ-5 «капитан 3 ранга». Эти уже послужили и имеют собственный опыт, который у каждого из них по-своему наполнял смыслом слова «хороший» или «плохой».

– Да, нам, дорогие мои, прямо сейчас с этого момента нужно начать работать так, чтобы словосочетание «хорошо служить» стало потребностью и смыслом вашей жизни, – подумал Липовецкий.

– Александр Николаевич, – уже вслух сказал он, – давай зайдём в помещение. Для первичного ознакомления: кто есть кто – пусть каждый офицер кратко расскажет о себе всё, о чём посчитает нужным доложить. И начнём, по всей видимости, с меня лично.

Антон ещё раз «прошёлся» взглядом по лицам, уже сидящих перед ним, офицеров. «Публика» была явно разношёрстной. Некоторые молодцы заросли длинными волосами, отрастили усы, одеты в узкие брючки и обуты в длинноносые штиблеты. На голове у них лихо примостились то ли фуражки, то ли белые грибообразные блины. Прямо хоть сейчас из них организовывай участников шоу «а-ля мореман из «К-470», – подумал их командир.

– А вот этот «дылда», прячущий нахальные глаза, с полным набором вышеперечисленных «достоинств», кажется из БЧ-5, – кто же тебя такого красавца «изделал»?

Правда, большинство – офицеры, как офицеры, колесницу военно-морской службы тянуть будут. Вот только ты – командир, сумей указать им место, задай направление, да не слишком «изгаляйся»! Командиры боевых частей и начальники служб, которые постарше – выглядели тускловаты. Каток первого вала службы флотской действительности слегка прошёлся, да несколько потрепал их радужные надежды, захлестнув по самое горло собственное «эго». Вот вы, высунув языки, отсапываетесь, думая, что «пронесло» и легко отделались. Нет, дорогие мои, – всё только начинается! Но маленькую передышку в разумных пределах вы получите. Начальник медицинской службы – корабельный врач, симпатичный, какой-то мирный лейтенантик, ну прямо хоть сейчас ложись без страха под его хирургический нож... Посмотрим, что ты за «клизтирная трубка».

Последним из лейтенантов, кто сразу же после училища «застолбил» командное кресло начальника химической службы, был шустрый чернявый офицер со стреляющими по сторонам глазами шельмоватой собачонки – кого бы тишком цапнуть.

– Кто есть кто? – покажет жизнь, а сейчас будем знакомиться, – начал Антон с себя.

– Я, как и вы все, в соответствии с избранной специальностью, окончил Высшее Военно-Морское училище подводного плавания в городе Ленинграде и чуть позже – Высшие офицерские классы. Лейтенантом был назначен на первые атомные ракетные подводные лодки и на них же отслужил на всех ступенях штатных должностей роста вплоть до старшего помощника командира. С должности старпома я впервые был назначен командиром РПК СН «К-470». В этом отношении мы с вами все равны: все мы назначены на занимаемые должности впервые. От нас всецело зависит, чтобы первый блин не был комом.

– Сразу же хочу изложить некоторые, вовсе не совсем требования, а скорее пожелания, которые с вашего одобрения должны стать незыблемыми устоями и основами поведения в нашей совместной службе на корабле. Хотелось бы, чтобы в своих взаимоотношениях мы друг в друге видели в первую очередь человека, а после – опять-таки, человека, но одетого в военную форму одежды. Все вы материалисты и отлично понимаете, что форма одежды должна соответствовать содержанию и наоборот. Так что прошу, не унижайте себя необходимостью выслушивать замечания по поводу личных промахов в содержании формы одежды и внешнего вида. Я никогда не буду определять и измерять длину волос ваших причёсок и усов. Но издавна бытует постулат, что военно-морской офицер всегда должен быть одет, в свежую опрятную форму одежды, гладко выбрит, пахнуть хорошим одеколоном и слегка коньяком. Само словосочетание «форма одежды» носит безусловную нагрузку, подразумевающую принятый для всеобщего исполнения образец. Другое дело, что любая форма одежды должна быть подогнана и сидеть на хозяине, украшая, и таким образом формировать и подчёркивать его же внутреннее содержание. В отношении бритья, мытья и одеколона – это гигиена и соблюдение её в особых разъяснениях не требуется. А насчёт коньяка – если слегка, то все мы люди здоровые, но всегда нужно знать и помнить: когда, с кем, по какому поводу и в какое время дозволено! Всем нам предстоит изучить и освоить на практике сложнейшую новую технику и оружие. Глубина их практического освоения напрямую окажет непосредственное влияние на целостность вашей задницы, сохранность жизней всех нас, не говоря об успехе выполняемых задач, поставленных перед кораблём. Впереди нас ждёт служба, служба и ещё раз служба в закрытых гарнизонах самых далёких губ и заливов Северных морей. Никакой цивилизацией там и не пахнет. Особой благодарности за службу вы не дождётесь. Мы «лошади» рабочие, а лошадь поощряют чаще всего кнутом. Чтобы не свихнуться, мой вам совет – женитесь, кто ещё не женат. При первой возможности привозите жён в гарнизон к себе. Любимая жена – это семья, это здоровый стимул для нормальной жизни, избранной вами. И последнее, многие офицеры плавсостава, жалуясь на тяготы службы, изъявляют желание уйти служить на берег, а то и из флота совсем. Должен вас разочаровать, ибо по вашему желанию нормальным путём из нашей системы уйти невозможно. Некоторые офицеры бездельничают, начинают пить. Их с большими проволочками из рядов флота всё-таки увольняют. Уверяю вас – это порочный путь, ведущий в «никуда». Лентяй и пьяница так и останется тем, кем он стал и есть на всю жизнь. В связи с вышесказанным для налаживания первых шагов взаимного доверия прошу каждого офицера честно высказаться о своих планах, кем они видят себя в будущем. В свою очередь, я обязуюсь всеми своими средствами и возможностями способствовать вашим устремлениям.

Антон умолк и затем по очереди внимательно выслушал каждого офицера своего экипажа. Некоторые из них, изъявляли желание продолжать службу по командной линии, некоторые – видели развитие карьеры по своей основной специальности. Почти все командиры боевых частей связывали свою дальнейшую службу с учёбой в академиях с последующим закреплением на береговых «не пыльных» должностях. Несколько человек признались, что

толком сами не знают, чего хотят. Но все они согласились с доводами своего командира и были готовы служить честно и добросовестно в меру своих сил и способностей. Невидимая связь общности интересов начала закладывать первые кирпичики взаимопонимания в будущий фундамент доверия офицеров друг к другу. Доверия, без которого экипаж может быть собран, но долго полноценно существовать и работать на корабле не сможет.

К сожалению или к счастью, среди молодых лейтенантов нашёлся и такой, который заявил, что быть подводником не хочет и, вообще, служить на флоте не желает и не будет. Это был именно тот «красавец», экстравагантность которого Липовецкий уже заметил.

– Ну что ж, гнилой «кирпичик» нам не нужен, – Антон отпустил офицеров, а «красавчика» оставил для более основательной беседы.

Знакомясь с этим избалованным молодым человеком, который от жизни привык брать всё, не отдавая ничего взамен, Антон пытался понять, насколько глубоко в его сознании «права человека» поглотили и подчинили его самовлюблённому эгоизму адекватные обязанности. В дальнейшем в разговоре с его отцом – начальником военно-строительного отряда, полковником, Липовецкий уяснил, что главным источником, способствующим выращиванию и созреванию столь заметного балбеса, была его мать. Мамаша – властная женщина избаловала и подчинила себе не только единственного сына, но успешно вила верёвки и из его отца.

– Вы зачем поступили в училище и после, окончив его, согласились с назначением служить на подводной лодке? – спросил Антон.

– Ха-ха-ха, за меня всё делал отец! Он меня пихнул в училище, он меня вернул туда обратно, когда была попытка моего отчисления. Он же побеспокоился и о моём настоящем назначении, – нахально глядя в глаза Липовецкому, ничуть не смущаясь, выложил свою историю этот недоросль.

– Головной боли нам, Александр Николаевич, и без него хватит, – советуясь с замполитом, поделился своими соображениями Антон. – Кадровики без нашего согласия нам его «подарили», так пусть своё «добро» забирают обратно!

– Оно то так было бы справедливо, Антон Владимирович. Но его не возьмут. У них ответ один: «кадр» теперь ваш – вы и воспитывайте! – выразил сомнение замполит. Вот если мы на партийном собрании из партии его исключим единогласно, то другое дело. Тут по правде, если б она существовала, то и партия за это решение должна бы нам сказать спасибо.

Так они и сделали. К всеобщему удовлетворению счастливый недоросль, осчастливив экипаж своим отчислением, ушёл в объятия своей счастливой мамыши. Он прочно оседлал шею отца с намерением одарить «счастьем» каких-нибудь простаков уже на «гражданке».

– Что ж: каждому своё и по заслугам! Вот только учитываются ли всегда заслуги каждого? – подумали одновременно командир и его замполит.

С далёкого Дальнего Востока, наконец, прибыл старпом – капитан 3 ранга Журавский В.А. Москвичи обычно народ нахальный, но этот интеллигент с какой-то скрытой незащищённостью, несмотря на «собачью» должность старпома, в дополнение ко всему, удивлял своей житейской неопытностью.

– Слава богу! Офицерский состав экипажа собран, – подумал Антон, – и «карты» тебе в руки, командир!

В учебном центре, как и в целом на Флоте, очень остро ощущалось отсутствие центрального координирующего органа, который бы чётко видел и уяснил цели создания и пути дальнейшего развития систем РПК СН. В связи с этим все существующие командные флотские структуры, получив это новое оружие, которое по качеству и значению переросло их управленческие возможности, «пробуксовывали» на месте. Не зная, что с этим растущим «дитём» делать, они напрягали мозги над тем, что же можно с него «урвать», не задумываясь над тем, что же они могут ему дать. Летели брызги всевозможных призывов, центральному руководству в глаза пускалась пыль «победных» рапортов. Раздавались громкие командные голоса:

«взяли», «подняли», «понесли», партийные запевалы рождали всевозможные «почины». За громкие голоса и «почины» они же в основном получали ордена и героев. От такого руководства даже «железо» не выдерживало, не говоря уже о людях внутри прочных корпусов этого «железа». Вдумайтесь хорошенько: корабль стратегического назначения, то есть – корабль способный решать результат исхода войны. Но парадокс – его командиру при назначении на должность никто не поставил никаких конкретных задач и сроков их решения. Более того, кроме кадровика с ним никто толком и не побеседовал.

– Вы едете учиться в учебный центр, – вот и вся задача, и вся информация, которая несоизмерима даже с указанием, что вам нужно ехать в гости, на деревню к бабушке.... Как правило, о бабушке и деревне вы знали всё, а вот о новом режимном учебном центре – только слухи.

По этим самым слухам Антон узнал, что можно сразу же с собой брать семью – в Палдиски построены семейные общежития, да и снабжение городка житейскими потребностями вполне удовлетворительное. Слухи подтвердили, что рабочий день в учебном центре упорядочен, даже выходные дни существуют и их можно использовать по своему усмотрению. Чудеса, да и только! Оказывается, что по слухам можно было узнать всё, а вот официально – дудки!

Местное командование по разнарядке определило тебя на повышение на новостройку и ладушки – ты уже не наш, досвиданья. В лучшем случае на старом экипаже тебе вручили грамоту, организовав «отходную» и расцеловавшись с друзьями, с предписанием в кармане ты убывал к новому месту службы. С этого момента ты, в общем, никому не нужен: флотскому начальству снизойти до какого-то командира, пусть даже РПК СН – ни за что! Это Иосиф Виссарионович, поговаривают – так же по слухам, контролировал и знал в лицо всех военачальников вплоть до командира полка. Сейчас же флотские «верха», боясь выпустить из рук столь определяющий и весомый кусок «добычи» как РПК СН, центрального единого командования этим стратегическим комплексом военно-морских сил так и не учредили.

Ракетные крейсера в буквальном смысле «воткнули» в старую флотскую организацию.

Непонятно зачем созданные флотилии, боевым использованием РПК СН никогда не занимались. Они вольготно жировали на теле ракетных крейсеров, объединённых в дивизии. Именно дивизии и «тянули» всю работу по организации подготовки экипажей к плаванию и использованию ими оружия.

Но пока «свои» начальники ещё не назначены, да и вопрос – «быть или не быть» чему-то там, только решался. Так что «ходить» тебе Липовецкий, как и многим другим командирам и их экипажам, во временном подчинении сначала у начальника учебного центра, затем у командира бригады строящихся кораблей. После постройки одному богу известно, куда тебя вместе с РПК СН направят. Ну, а временное подчинение – тут уж правило одно: с глаз долой – из сердца вон! Это если сердце есть, а если его и не было?

В принципе, учёба в учебном центре города Палдиски, как в любом учебном заведении, была организована по старинке сугубо академическотеоретическая с командировками на заводы и предприятия, где конструировались и изготавливались лодочные приборы и системы. Одним словом – ясно, что ничего не ясно и пословицу «забота об утопающем...» Антон ещё вспомнит не раз. Структурно весь учебный процесс в центре строился подобно учебным кафедрам, которые, тематически приблизившись к лодочной организации службы, получили названия циклов. Например: цикл ракетного оружия и так далее. Несколько экипажей, в зависимости от сроков готовности строящихся кораблей на заводе, объединялись в потоки и в составе учебных групп бегали по циклам слушать лекции. Преподавателями были те офицеры, которым по разным причинам удалось перевестись сюда с кораблей и соединений действующих флотов. Тут, как на вокзалах Ленинграда или Москвы – кого только не встретишь!

– Бляха-муха, Липовецкий! Никак ты? – приветствовал его капитан 2 ранга Антипов – бывший флагманский ракетчик дивизии. – Я тут на цикле ракетного оружия «старшой» пре-

подаватель. «Шило» то ты привёз? – Шучу! Понимаю, что ты «безлошадный». Кстати, начальник цикла у нас капитан 1 ранга Баклашов – твой бывший старпом. Да, время идёт: он после академии был назначен сюда. Бегаёт, как молодой олень: развелся и женился на молоденькой дивчине, родил ребёнка и счастлив. Заходи на цикл в гости, я тебе «холера» по старой дружбе приготовлю если уж не графин со спиртом, то с пивом – точно!

– Антоха! – услышал Липовецкий знакомый с курсантских времён голос, – подойди сюда сынку, дай-ка я на тебя посмотрю!

В группе старших офицеров в приветливой улыбке, растянув от уха до уха свои толстенькие губы, стоял Володя Сергачёв.

– На общем построении в понедельник тут во дворе учебного центра можно увидеть всех «учеников» и всех «учителей», – поздоровавшись с Антоном, рассказывал Владимир.

– В другое время они разбегаются «кто в лес, а кто по дрова». Ведь местные «шхеры» весьма обширные, – он жестом руки указал в направлении, застывших в ожидании всей этой оравы подводников, корпусов «Пентагона».

– Вот у тех «капразов», стоящих во главе уже полностью собранных, заканчивающих обучение экипажей, сейчас забот «полные штаны». Они готовятся убыть в Северодвинск принимать свои корабли от промышленности. Каленича и Холода ты должен помнить – эти командиры наши бывшие курсантские начальники: старшина роты и командир взвода. С Миловидовым познакомишься, он мужик толковый. А вот этих сотоварищей подводников представляю: Сазонов Ваня, Дима Зубов, Лилов Эдик и Бешметов Олег – это наш поток. Все они командиры первых экипажей, все «капдва» и пока их экипажи укомплектованы только офицерским составом.

Антон взглянул в спокойные и доброжелательные с лукавинкой глаза, пока в меру упитанного, их обладателя и подумал:

– Ну, с Сазоновым Ваней я, по всей видимости, дружить буду. Сергачёв – мужик свой, о нём я знаю почти всё. А вот этот товарищ, лениво теребящий свою Мефистофелевскую бородку – Лилов Эдик, всем своим видом, как бы говорил:

– Наплевать, судьба-индейка, а жизнь-копейка, куда-нибудь да вывезет!

Позже Антон узнает, что он вместе с РПК СН, построенным в Северодвинске, планируется к переходу в состав Тихоокеанского флота.

Выставив вперёд упрямый подбородок, крепыш Дима Зубов, сам себе на уме, оценивающе уяснял ситуацию. В мечтах, перепрыгнув через очередное воинское звание «капитан 1 ранга», он уже примерял погоны контр-адмирала. Осуждать его за это причин не было. Пока должность командира РПК СН соответствовала и благоприятствовала прямому осуществлению его мечтаниям – это было справедливо. Вот только позволит ли флотское начальство этой справедливости существовать и воплотиться в жизнь?..

– Валентин! – здороваясь, представился Антону, подошедший к ним после общего построения, капитан 1 ранга Миловидов. Кажется, в нём всё было на месте: уверенность в себе, настойчивость и сообразительность, открытость и доброжелательность. Но, присмотревшись внимательней, в глубине его тревожных глаз можно было заметить какую-то надломленность из-за постигших неудач поймать неизведанную жар-птицу удовлетворения своей судьбой.

– Как устроился с жильём? – спросил он и, не ожидая ответа, предложил, – с убытием в Северодвинск, я освобождаю квартиру. Если не возражаешь – переоформим её на тебя. Кантоваться вам здесь около года – вот и живи в своё удовольствие, не стеснясь. Вместе с женой сегодня вечером приглашаю в гости. Там и познакомимся поближе – и он назвал свой домашний адрес.

Бешметова Олега природа большим ростом не побаловала. Всю свою щедрость она вложила в его крепко сбитую невозмутимую ширину. Увидев, что ширина пустовата, она сыпанула туда то, что оказалось под рукой – похоть. Посему по долгу службы, отбывая «номер», стоял

не Бешметов, а его любвеобильная плоть. Он же, блудливо уставившись мечтательным взором в окружающее пространство, причмокивая чувственными губами, всё ещё досматривал то ли сон, то ли явь в постели залётной бабёнки....

– Я, Антон, – протянул ему руку Липовецкий.

– Бр-р-р, – страхивая приятное наваждение, потряс головой Бешметов. – Олег! – представился он. Извини, я не выспался. Мечты и бабы меня одолели....

Знакомство с учебным центром и организацией подготовки экипажей в нём, сама учёба плотно заняли всё время Липовецкого, сузив до минимальных размеров окружающее пространство его обитания. Общий маршрут передвижения общежитие – учебный центр – общежитие; одна учебная группа и приём пищи за одним столом; общность интересов и появившихся забот об экипаже, сделали троицу – Липовецкий, Белорусов, Журавский практически неразлучной.

В личной жизни они не засматривались на чужих жён, будучи влюбленными, в своих, которых наконец-то видели каждый день. Вот только Журавский, поселившись в общежитии холостяков, привозить жену в Палдиски не собирался.

– Виктор Алексеевич, проясни ситуацию – если это не секрет, то почему ты не везёшь сюда свою жену? – по пути следования в учебный центр задал вопрос Липовецкий.

– Если говорить «на чистоту» и так, как я убеждён, думаю и поступаю правильно, то привозить свою супругу из Москвы в эту «дыру», в Палдиски я не собираюсь. Она окончила институт криогенной техники. Накопив денег за весь период службы, я, воспользовавшись московской пропиской жены, на её имя купил трёхкомнатную квартиру. Конечно, не без помощи отца – коренного москвича, который помог и деньгами, и связями. Жена устроилась в столице на хорошую работу. Везти сюда, чтобы она тут сидела без работы, как ваши дурёхи, я не собираюсь, – как-то зло, пытаясь сбросить с себя сообщение, как освобождение от тяжёлой и неудобной ноши, на одном дыхании выложил Журавский.

Командир и его заместитель, поразившись столь резким откровением старпома, переглянулись и, сражённые неожиданностью его аргументов, молчали. А что тут скажешь?

Однако Антон, огорчённо сверкнув глазами, через какое-то мгновенье незамедлительно дал ему отпор:

– Алексеевич, за «дурёх» извинись! Прости, но не твоё собачье дело осуждать наших жён и давать им оценку. Мы как-нибудь, а вернее жизнь, разберется, что к чему.... По поводу твоей жены – решай сам, ибо это уже не наше дело. В конечном итоге каждый роет своё счастье собственной лопатой. В свою очередь своё мнение выложу так же «начистоту». Во-первых – квартира в Москве, как ты сказал, не твоя, а принадлежит молодой жене. Во-вторых – не дай тебе бог, но смотри, чтобы и жена, и квартира не «уплыли» и не стали тебе чужими. В-третьих – всё это мне слушать крайне неприятно. Надеюсь, что ты изменишь, взгляды на происходящую действительность, ибо жизнь тебя поправит и может сделать это очень болезненно. Мне не хотелось бы, чтобы весь этот негатив отражался на службе и наших личных отношениях.

Зима в Прибалтике мягкая. При её воцарении и снега-то практически не было. Так, слегка припорошило крыши домов, где работали, учились и жили своей обособленной жизнью разные люди. На Таллиннской ратуше, уклоняясь от напора свежего ветра, вертясь и поскрипывая, всё так же смотрел вниз старый Томас. Что с него возмёмшь – флюгер! Но направление-то он указывал.... Более того, старожилы эстонцы поговаривали, что он частенько кого-то поругивал, правда, на эстонском языке и русские его не понимали. Внизу, поближе к земле, недоброжелательство некоторых эстонцев к русским прямо не высказывалось, но чувствовалось во всём.

Узкие улочки и городские подъезды, дворы усадеб и дороги всегда чистые и ухоженные – не понятно, когда их эстонцы убирают.... Липовецкий привык, что даже в сравнительно чистом Ленинграде общительные дворники с мётлами в руках стоят и больше «точат ляды»,

чем метут мусор. Здесь же все помалкивают: молча, не спеша, передвигаются по улицам, в магазинах эстонские продавцы отвесят вам товар, дадут чек и если, не поняв, будете о чём-то переспрашивать, то «шваркнут» вам на «эсти» и будьте здоровы! Так что, Антон, скорее садись на электричку и – в Палдиски. Здесь эстонцев практически нет. А море и окружающие леса всегда прекрасны – природа: как ты к ней, так и она к тебе – любовь всегда счастливая, когда она взаимная.

Антону всегда нравились люди счастливые. Когда он встречал влюблённую пару с сияющими счастливыми лицами, то его душа наполнялась ощущением светлого тепла и, окружающий мир становился ближе и понятней. В такие минуты приходило сознание, что дело, которому служишь, рискуя жизнью, востребовано. Что это дело крайне необходимо, чтобы вот так спокойно люди счастливо жили, растили детей и любили друг друга. К супружеским изменам он относился, как к чему-то нечистоплотному, а людей, творящих их, остерегался. Понимая, что люди – не боги и обстоятельства жизненных ситуаций бывают разные, он до поры и времени не высказывал резкого осуждения их поступков. Но всегда и всюду фальшь любого проявления не признавал и поневоле страдал сам, не находя веских причин для её оправдания.

Взаимное дружеское расположение дало повод к зарождению приятельских симпатий в семьях Миловидовых и Липовецких. Во многом они были похожи и в первую очередь в зеркальном отображении мытарств, связанных со служебными передвижениями самих офицеров и их семей. Антон – сын Гали и Валентина, умный с взрослыми глазами мальчик, был года на три старше сына Липовецких. Галина, приятной наружности неброской красоты созревшей женщины лет тридцати пяти, со школьной скамьи была влюблена в своего мужа. Они поженились по любви. Но если с годами эта любовь в карих глазах Галины пылала неугасимым огнём, то у мужа она догорала искрами равнодушной привычки. Как и всякий смертный, Валентин был не безгрешным. Зачастую, немного подвыпив, он любил похвастаться тем, чего у него не было. Галя же считала его непогрешимо умным и способным, одним словом, как она говорила сама:

– Ты у меня лучше всех!

В принципе, ничего нового она не придумала – все влюблённые склонны к преувеличению... Но со временем он-то в эту влюблённую чушь поверил – вот в чём беда и корни разыгравшейся трагедии в их будущем.

– Как ведут себя наши офицеры? – частенько «тройка» во главе с Липовецким делала обход циклов, интересуясь у ведущих преподавателей успеваемостью и поведением своих подопечных.

– Да ничего, ребята стараются. Чему мы их научим, покажут экзамены, – обычно следовал ответ. – Вот вы, видно лица заинтересованные, благодаря этому мы уже ваших офицеров от остальных в общей группе выгодно отличаем. А что бы хотели вы? Какие имеются замечания и возникшие неразрешённые вопросы?

– Что с гуся возьмёшь, кроме шкварок? Большинство техники кораблей нашего проекта в центре ещё не смонтировано. Пощупать её в живом виде мы сможем только на заводе. Насколько это, возможно, есть просьба – в обучении экипажа делать упор на практическое освоение и использование систем и приборов, – высказал общее пожелание Липовецкий.

– Мы сами, как школяры, «грызём» гранит науки. Техника и оружие действительно сложные, с конструктивными новейшими решениями по устройству и условиям их эксплуатации. Это раньше хороший командир при желании мог знать устройство своего корабля в доскональности до последнего винтика. Сейчас же практически достичь этого невозможно, да и не нужно. РПК СН оружие коллективное. Очень важно, именно сейчас, в ходе учёбы определить тот самодостаточный уровень знаний устройства техники и оружия для каждого командного звена с тем, чтобы научиться, опираясь на знания и умения своих подчинённых, вырабатывать правильные рекомендации для решения командира по управлению кораблём и применению

оружия. А это посложней, чем просто изучить отдельную техническую систему или прибор. К сожалению, большинство преподавателей – это, в лучшем случае, флагманские специалисты. Дать то, чего они сами не знают или не умеют, они не могут, – высказал своё мнение Липовецкий уже с точки зрения командира.

Жизнь и природа не дремали, всё шло своим чередом, на пятки зазевавшимся человечков наступала весна. Весна для всего учащегося люда горячая пора зачётов, экзаменов, тревог и переходов в новое качество для лиц, успешно выдержавших испытания. А за окном солнце, цветёт черёмуха, вдоль дорог города Палдиски начали расцветать кусты сирени. . . . Офицеры под разными предлогами стремились погреться под лучами яркого солнышка. Они успешно исчезали с лекций в учебных классах, затерявшись на многочисленных переходах и всевозможных, уже изученных, шхерах лабиринта «Пентагона».

Виктор Алексеевич Журавский зачастил на переговорный пункт звонить по телефону своей молодой жене в Москву. Частенько он возвращался оттуда огорчённый. Иногда телефонную трубку в столичной квартире брал и отвечал на звонки хорошо известный Виктору друг семьи. . . . Обычно Журавский помалкивал, а тут на вопрос Липовецкого: «– В чём дело, почему буйную головушку повесил?» выложил все свои наболевшие сомнения и подозрения.

– Виктор, – без промедления ответил его командир, – тебе неделя отпуска, езжай в Москву. Умыкай жену и привози сюда. Понял? Время пошло.

Через неделю, сияющий, как новая копейка, сошедшая из-под станка монетного двора, Виктор, с молодой женой – весьма симпатичной особой, прибыл в Палдиски. Антон с Александром подсустились и, умаслив комендантшу, получили и вместе со своими жёнами обставили, для прибывшей четы, весьма сносную комнату в семейном общежитии. Слава богу, – подумал Антон, – жизнь у командного состава экипажа налаживается! Даже бог может помочь только тому, кто что-то делает сам. Бездельнику помочь-то не в чём.

Всевозможных дел Липовецкому, с приходом весны, прибавилось. Многие женатики, перезимовав зиму в разлуке, изъявили желание перевести своих жён в Палдиски. Приходилось налаживать тесные контакты и с заместителем начальника центра по тылу, и с пресловутой комендантшей Клавдией Петровной. Семья Липовецких переехала в отдельную двухкомнатную квартиру, освобождённую Миловидовым, который к этому времени окончил курс обучения в центре. Своих офицеров в поездки за жёнами Антон отпускал без проволочек. Он понимал, что воссоединённые семьи станут его надёжным союзником в деле налаживания нормальной службы их мужей. Даже Саша Белорусов попросился «смотреться» в «Питер» за подарённой тестем автомашиной – «жигулёнком», позже названной «копейкой». В то время это был подарок королевский! Раньше Антон как-то всё не мог подыскать правильный ответ – кто надоумил простого белорусского паренька круто изменить выбор своей профессии. Теперь же всё стало на своё место: тесть был секретарём парткома и одновременно председателем комиссии по распределению жилья при одном из Ленинградских заводов.

Наступало лето, экзамены сданы, показав весьма успешные результаты, офицеры до формирования и прибытия личного состава экипажа, убывали в отпуск. Некоторые из них решили с семьями остаться провести его в Палдиски. Море, рыбалка, лес, земляника, малина, грибы!.. Хорошее снабжение городка продуктами питания, не очень жаркое солнце, просторы пляжа, не переполненного десятками тел на квадрат площади, – весьма заманчивые и вполне приемлемые условия времяпрепровождения для неизбалованного изысканным сервисом подводника-отпускника.

Сам Липовецкий вместе с группой вычислителей своего экипажа, начальником радиотехнической службы и старшим помощником сидели у главного пульта боевой информационной управляющей системы – БИУС «Алмаз» и воочию знакомились со своей электронной помощницей.

– Повезло мне, ей-богу повезло, – радовался Антон, глядя на внимательные лица своих офицеров, впитывающих в себя всю информацию, излагаемую главным конструктором БИУС. Капитан-лейтенант Кучер своими дотошными вопросами загнал в кризисный тупик ответов одного из дежурных ведущих инженеров конструкторов и тот на помощь вызвал главного конструктора системы, вернее, конструкторшу.

– Только она знает весь комплекс ответов на все ваши вопросы. Мы же, ведущие инженеры, досконально знаем только отдельные приборы, которые делали сами, – оправдывался он.

– Да, – подумал Антон, – работа у вас не пыльная – один с сошкой, а семеро с ложкой!

– Однако, сюда в Москву, переодетые в гражданскую форму одежды, мы приехали не для того, чтобы обсуждать ваши проблемы. Ежедневно через весь город мы добираемся в Истру, дабы в течение месяца изучить возможности БИУС, изготовленной практически поштучно в соответствии с количеством строящихся кораблей, прямо из первых рук – её конструкторов.

Особой революционной новизны в конструктивном исполнении БИУС Антон не увидел. Просто это была одна из первых практических попыток объединить в единую систему определенный комплекс задач решаемых РПК СН. Любой счётно-решающий комплекс может быть универсальным и специализированным. «Алмаз» – это специализированная система. Насколько главному конструктору удалось объединить и упростить решение задач, свойственным РПК СН – именно это было основной темой для изучения и главной целью в командировках офицеров кораблей проекта 667Б.

– Что ни говорите, но мои офицеры молодцы, – с удовлетворением уже в который раз должен был отметить Липовецкий. Второстепенных забот с ними минимум. Другие – выпивают без меры, дебоширят и шлятся по бабам... Тут же этого, чарующего взоры, пьянящего зелья, в обличье зрелых и совсем юных особ женского полу полно – Москва-столица. Но, «накось – выкуси!». «Моих» так запросто голыми руками не возьмёшь. Вот, например, интеллигентный старательный Паша Волга – да он днём и ночью видит во сне и наяву только одну женщину – свою жену Марию. Правда, рядом с ним Вадим Попович, толковый офицер, но так слегка, между прочим, косит глазами в сторону промелькнувшей симпатичной мордашки. Смотреть, конечно, никому не возбраняется – иначе, какой ты мужчина! А вот Журавский Виктор в Москве у себя дома. Но особой радости не излучает. Какой-то «червячок» его гложет. Молчит, самому же лезть ему в душу неудобно. К себе в гости не зовёт, а так, что я о нём знаю, чтобы давать советы? Другое дело поговорить о службе – это всегда, пожалуйста, – решил Липовецкий.

– Виктор Алексеевич, и что ты думаешь об этой, красиво подмигивающей, счётно-решающей тумбе? – спросил он.

– То, что нам нужно изучить её возможности, а операторам вычислительной группы освоить кнопки, тумблеры, переключатели и осмысленно играть ними, как заяц на барабане – ясно и понятно, спору нет, – ответил старпом. – Во всём же остальном, как любая вычислительная машина, что туда мы вложим, то и «жевать» она будет.

– Совершенно верно, – согласился с ним его командир. – Эта «тумба» связана, практически, со всеми приборами и системами корабля, которые что-то измеряют, вырабатывают, показывают или выдают. На основе их, оператор БИУС, решает задачи, которые помогают командиру принимать решения для стрельбы торпедным оружием и управлять кораблём в целом в ходе ведения морского боя. Вывод, какой? – передохнув, и поочередно осмотрев офицеров, Липовецкий постукал ладонью по металлической поверхности «Алмаза», – так какой вывод, товарищ Кучер?

– А такой, товарищ командир, что эта железяка в умелых руках может быть очень полезной, – ответил он.

– Молодец! Вы только посмотрите, какой умница у нас начальник РТС, – констатировал, как факт, довольный командир. – Молодца! – повторил он ещё раз. Оказывается, что всюду

нужны умелые руки. С умелыми руками жить не плохо, но совсем хорошо, когда и голова соображает безукоризненно, ибо головушку нам не заменит ни один пусть даже самый умный прибор.

В конце месяца весь расчёт главного командного пункта лихо щёлкал кнопками на главном пульте «Алмаза» и уже без помощи инструкторов выходил в торпедную атаку. Их победный пыл несколько охладил Липовецкий.

– Вы не обольщайтесь, что так гладко, играючи, мы будем воевать и в море уже на корабле, – сказал он. – Лодка не летает, моментально набирать или уменьшать скорость, в течение нескольких секунд описывать полную циркуляцию или изменять глубину погружения так, как это делают соответствующие имитационные приспособления здесь, реальный корабль не может. Кроме того, таких чётких классификационных признаков и пеленгов на обнаруженные цели, никакой гидроакустический комплекс в море не выдаёт. А почему, товарищ Кучер?

– Гидроакустики, что услышат, то и доложат, – без запинки ответил тот.

– Вот именно, что услышат, – подхватил эту мысль командир. – Если же наш собственный экранирующий шум, излучаемый работающими механизмами и корпусом корабля, будет больше полезного сигнала, то, прости – прощай, и «золотая рыбка» тут не поможет. Гремим мы на всё море-океан. Для уменьшения шумности нужен комплексный подход: конструкторско-технический и организационный. В организационном подходе кое-что зависит и от экипажа. Это «кое-что» – малошумные режимы работы главной энергетической установки и всех механизмов корабля мы будем осваивать уже непосредственно на подводном крейсере.

Ракетный комплекс и специализированную управляющую пуском ракет систему «Альфа» Липовецкому удалось освоить без малейшего труда. Баллистическая ракета двухступенчатая, жидкостная, межконтинентальная. Её запуск осуществлялся на ходу с надводного и подводного положения РПК СН. Ввод исходных данных для стрельбы автоматизированный, готовность к пуску ракет не более 15 минут. Для Антона всё это было своё, знакомое и понятное. Ну, а особенности конструкций комплекса – это, как говорится, дело желания и времени.

Командир боевой ракетной части капитан-лейтенант Соколовский в своём подчинении имел двух офицеров. Все они ребята были толковые и старательные, уважительного общепринятого имени артиллеристов – «бог войны», как и своего командира, старались не подводить.

Антон возвращался в Палдиски. Первый этап по обучению экипажа в освоении нового крейсера окончен. Впереди был отпуск, в городке его ждала любимая жена и сын. Колёса поезда, выстукивая по рельсам «лето», «лето», с каждым оборотом железных колёс приближали их встречу.

Не мудрствуя лукаво, по принципу – «от добра, добра не ищут», семья Липовецких решила отпуск провести в Палдиски. Чемоданная кочевая жизнь им осточертела. Это решение одобрил даже рыжий соседский котёнок, который раньше, ну никак, не хотел заходить к ним в квартиру. Теперь он сменил гнев на милость – в гости приходил частенько, особенно, когда в доме пахло свежей рыбой. О, эта рыжая пушистая bestия была котом самостоятельным, не терпящим никакого насилия принудительной ласки. С людьми он играл ровно столько, сколько хотел сам. Когда забавлять этих непонятливых двуногих существ ему надоедало, он вскакивал, хватал ближайшего, подвернувшегося человечка лапами за ногу, имитировал укус и молнией бежал к входной двери – выпустите, надоело!

За отпускные деньги подростку Владимиру Антон купил велосипед, себе – надувную лодку, а Светлане – золотое колечко и роскошное длинное платье. Все были довольны. Радую душу и согревая тело, светило яркое летнее солнце. Еле шевеля галькой, умиротворённо и лениво у берега плескались набегающие приливные волны опреснённого Финского залива. На песчаном пляже его берега, подставив лучам солнца белые животы, спины и другие части мужского тела, подводники пытались отогреться и малость загореть. Между ними, маскируясь уже приличным загаром, соблазнительно мелькали точеные фигурки второй прекрасной половины

человечества – в основном жёны и подруги моряков. Юные подростки и дети гоняли мячи в разных играх, ели сливочное мороженное, а совсем перегревшиеся отдыхающие плескались в воде. Места было навалом, хватало с избытком всем – не то, что на курортах южных морей. Правда, водичка здесь была бодрящей, но вполне приемлемой.

К тому времени на отмелях залива расплодилось масса всевозможных рачков и прочей мелкой морской, вкупе с речной живности, которой кормились, подошедшие с глубин к берегу, стаи рыб. Над ними кружились горластые птицы, в свою очередь, поедая рачков и мелочь рыб. Рыба была, как морская, так и пресноводная. Одни из них шли стаями икру метать, другие – дело продления рыбьего рода уже решили. Но все они – кто покрупней, с завидным удовольствием уплетали своих братьев меньших. В это время клёв был сказочный. Но были и проблемы. В финском заливе нужно было брести по колено в воде метров 300-400 и всего лишь для того, чтобы достичь глубины метра полтора. Утонуть человеку здесь без настойчивого желания и изобретательности просто не позволят условия.

Для рыб этой проблемы не существовало, но днём совсем близко к берегу подплывала одна мелочь. «Крупняк» держался там, где поглубже. Одним словом, для настоящей рыбалки нужна была лодка. Проблема с наживкой решалась просто: земляной червяк, принудительно воткнутый на крючок, жертвуя собой, приманкой был универсальной. Чем резвее он извивался на крючке, тем успешней завлекал к поклёвке, ошалевших всеобщим жором, окуней, плотву, язей, треску, лещей, а то и угрей. На толстый червь рыба клевала, покрупней. Правда, где в изобилии этих червей нарыть – вопрос был не простой. Кроме того, на ловлю рыбы с лодки, нужно было брать разрешение у местных пограничников. Но все неудобства компенсировала рыбалка: чудесный клёв, разнообразная рыба, синее море; встающее над морем утреннее солнце, тысяча запахов, наполняющих прибрежные воды; полёт и многоголосое пение птиц – что может быть лучше жизни, жизни торжествующей?!

Наконец-то, можно отоспаться, не нужно никуда спешить и ехать. Ура! Отпуск начался.

Вспугнув утреннюю тишину и сладкий сон семьи Липовецких, сквозь открытое окно в квартиру проникло урчание подъезжающей машины.

Загудел клаксон и бодрячком, следом за ним, не очень уж громко раздался Белорусов голос:

– Владимирович! Ау, Владимирович, кончай спать, выходи!

Антон выглянул из окна. У беленького «Жигулёнка» стоял Александр и призывно, размахивая руками, приглашал спуститься вниз.

Семейство Белорусовых решило часть отпуска провести в Палдиски, а другую – в Ленинграде. У них – собственный «легковик» – куда хочю, туда и еду! Бензин стоил 20 копеек литр, затем подорожал до 40 копеек, но разве это деньги?..

– Владимирович, предлагаю выехать семьями на природу. Тут не далеко на местной речушке есть заброшенная мельница. Место – лучше не придумаешь! Ну, как, едем? – вопрошающе выпалил он, обращаясь к Антону, который спустился к нему во двор.

– Я не против, – согласился Антон и, повернув голову в сторону окна, посмотрел на жену и сына, которые весь разговор, несомненно, слушали.

– Поехали, поехали! – запрыгали они, дружно выражая своё согласие.

– Тогда сбор через минут сорок на этом месте, – сказал Александр и уже через несколько минут деловитое урчание его «Жигуля» удалилось и затихло где-то возле семейного общежития.

– Ура! – завопил Владимир, доставая свой рюкзак. – Мы едем в лес на природу!

Сборы Светланы были посложней:

– Какой купальник я одену, есть ли там комары, много ли там людей, что мы берём из продовольствия, – и много других вопросов задала она себе и мужу.

– А я откуда знаю, – спокойно ответил тот, – как обычно, кроме купальника и резиновых сапог – набор тундровой. Мы же « не первый год замужем!».

С увесистыми рюкзаками они спустились вниз, где уже у машины вовсю шумело семейство Белорусовых. Рюкзаки, не без натуги, они загрузили в багажник, а вот людей....

Антон с сомнением посмотрел на галдящий табор: четверо взрослых и трое детей....

– Антон Владимирович, – тут же рассеяла его сомнения Галина, – не волнуйтесь, мы все чудненько разместимся. Ещё не договорив фразу, она тут же нырнула на заднее сидение. Вадик и Андрей юркнули туда же и их симпатичные мордашки выглянули уже через опущенное стекло задней дверки автомобиля.

– Света и Володя, садитесь, – приветливо пригласила она их, открывая другую заднюю дверку авто.

Действительно, все разместились. Водитель посмотрел на рядом сидящего Антона, оглянулся на «задних» и вопросительно произнёс:

– Ну что, поехали?

– Поехали! – хором ответили те.

«Жигулёнок» бодро тронулся с места, обрадованный, что его кузов не дал трещину от, запахнувшихся туда, людей. Мотор запел свою песню и без натуги завертел все четыре колеса.

Место у старой разрушенной мельницы было действительно красивым. Лес, с густой трепетной зеленью листвы начинающегося лета, покорял извечным спокойствием, свежестью запахов и разноголосьем пения птиц. Вытекающая из него хрустально чистая вода речушки, в низинах образовала небольшие заводи, поросшие водной растительностью. Насыпь мельничной запруды обширными прорешинами, через которые ушла основная часть воды, удерживала лишь её жалкие остатки. Тем не менее, в остаточных, проточных омутках, растопырив красноватые пёрышки, бойко сновали шустрые окуньки, поджидая зазевавшихся козявок.

– Хорошо-то как! – почти одновременно произнесли Саша и Антон, сидя на обрывистом берегу речки и болтая босыми ногами в воде.

– И комаров нет! – согласилась с ними Света. Вместе с Галей они в купальниках возлежали на белых простынях и нежились в лучах тёплого солнца.

– Я уже проголодалась, – добродушно призналась Галина.

– Мы так же, – дружно подхватили эту идею, шастающие по кустам дети.

– И мы не «рыжие», – поддержали их мужчины.

При всеобщей поддержке и согласии, тут же из рюкзаков вытряхнули съестные припасы. Вкусным было всё. На природе аппетит главенствовал, и первенство любопытству уступал лишь только после наполнения желудка.

– Ну, вы молодцы... – осматривая поле «боя», промолвил Антон. – Молодёжь, теперь весь мусор и объедки соберите в пакеты. По дороге домой выбросим их в мусорные баки.

– Трись – трись, ляп – ляп, – вдруг недалеко, прямо у их ног из омутка, который основательно зарос рогозом, раздались непонятные звуки. Глядя на большие круги, нарушившие спокойствие водной глади, все начали высказывать догадки и предположения, что же это было:

– Крыса!

– Нет утка!

– Рыба!

– Ага, это ж какой рыбине нужно быть!

– А может, кто-то бросил камень?

– Так никого вокруг нет!

Антон взобрался на насыпь и более внимательней начал осматривать местность. В воде по-прежнему невозмутимо охотилась окунёвая мелочь. На дне омута сквозь прозрачную воду больше ничего не просматривалось. Антон перевёл взгляд к противоположному берегу заводи

и на отмели среди зарослей водной хабузы заметил здоровенный, еле шевелящийся спинной плавник.

– Щука! – сказал он, указывая направление рукой.

– Где? – закричали все хором.

– Да вот она! – ещё раз показал направление Антон. Он бегло начал осматриваться вокруг: что бы такое увесистое подобрать....

Первым орудием труда в руках человека всегда были и остаются палка и камень. Посему он вскоре держал суковатую дубину, прикидывая, как её лучше использовать: то ли как острогу, то ли как чисто дубину. Саша расшатывал и пытался вынуть из земли приличных размеров камень. Все остальные наблюдали молча, как плавник, прокладывая путь сквозь хабузу, медленно приближался к зарослям осоки, которая ближе к берегу переходила в лозняк.

Быстро сбросив штаны, в одних трусах Антон с дубиной, и Саша с булыгой килограмм на 10-15, на цыпочках, стараясь не производить шума, начали по воде подбираться к щуке. Та, почуввав опасность, убрала плавник, и только еле заметное шевеление осоки указывало, что она находится на старом месте.

– Тсс, – предупреждаяще засипел Антон, указывая дубиной место, где затаилась здоровенная хищница.

Вода охотникам доходила до колен, хоть и была прозрачной, но хабуза и ряска плотным непроницаемым слоем скрывала всё, что находилось ниже её покрова. Правда, посреди плёса зеркало воды было чистым и прозрачным. На глубине, может быть чуть больше метра, чётко просматривались камни и внушительных размеров щелястые валуны. Ближе к правому берегу течение речки убыстрялось. Журча и перекликаясь с голосами птиц, кваканьем и кумканьем лягушек, под хор пения сверчков, комаров и прочей мелкой живности, в брызгах цветов радуги испаряемой влаги, речушка уверенно бежала к морю. Антон переложил дубину в правую руку, левой – пальцем к губам, адресуя Саше: мол, замри, нужно осмотреться! Александр в готовности поднял каменюку над головой. Точное своё местоположение щука не выдавала. Она была не душой – дожить до таких размеров ей явно что-то помогало. Опыт прожитых лет сохранял разумнице жизнь и так просто – за «здорово живёшь», попасть охотникам на сковородку она не собиралась. Дыханием мягкого, еле ощутимого ветерка, ряска у ног охотников начала смеяться. Сквозь образовавшиеся просветы, чётко просматривалось дно, тина, трава и всё, что там было. Обследуя открывающееся пространство, Антон посмотрел прямо перед собой:

– Боже! – между белых икр своих ног, сверкая хищными глазами, с открытой жёлтой, зубастой пастью, чётко просматривалась здоровенная башка щуки....

– Спокойно! – Антон замер, боясь, пошевелится. Щука так же выжидала!

– Вот она, – прошептал Антон, указывая пальцем вниз.

– Что же делать? – соображал он. – Положение очень неудобное. Дубинкой тут не размахнёшься. А щука стоит на месте и щёлкает зубами.... Зараза, окопалась в тылу и оттуда хитро посматривает!

– А-а-а! – он подпрыгнул, развернулся и со всего размаха шарахнул дубинкой по хищнице, вернее по месту, где он её видел. Саша незамедлительно грохнул туда же свой булыган.

Поднятые брызги, тина, обрывки хабузы и крики, соучаствующих в охоте жён и детей, смешались. Сквозь этот шум и гам, продрав заляпанную грязью глаза, непосредственные охотники обследовали место происшествия. Щуки не было – пропала щука!

– А жаль....

Ополоснувшись в чистой воде, Антон сочувственно посмотрел на Сашу и философски изрёк:

– Хороша была щука! – большая, килограммов на десять. Пусть себе живёт. Не больно-то хотелось нам её поймать. Правда, Саша?

Александр тоскливо и недоверчиво на него посмотрел и перевёл взгляд на воду.

– Да вот она! – шёпотом сообщил он.

Действительно, посреди заводи на метровой глубине, пытаясь спрятаться в щели между камней, шевеля жабрами, затаилась их хищница. Именно «их» потому, что Галина подошла поближе и, приватизировано перебирая пальчиками, возжелала:

– Как бы нашу щуку оттуда вынуть?

Один бок рыбины шелушился повреждённой чешуей – явный след воздействия дубины или камня. Во всём остальном же она была невредима и живёхонькая, ну как новенькая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.